

4. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2008.
5. *Элиаде М.* Аспекты мифа. — М.: Академический проект, 2000.
6. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.
7. *Юнг К. Г.* Человек и его символы. — М.: Серебряные нити, 1997.

Порова Викторија Николаевна,

Ekaterinburg State Theatrical Institute, Ekaterinburg, Russian Federation

MYTHOLOGICAL AND ARCHETYPAL IMAGES IN THE DESIGN OF CULTURAL MEMORY (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN CULTURE OF THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD)

Abstract: The article is devoted to the mechanisms and formalized cultural memory through social myths and archetypal images. Analyzes the basic mythological and archetypal images of post-revolutionary Russian culture of the time.

Keywords: cultural memory, the mechanisms of collective memory, myth, archetype, culture of Russia.

В. В. Сафонов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ДРУГИЕ СОЛДАТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье анализируется изменение исторической памяти на примере русского коллаборационистского движения в годы Великой Отечественной войны. Делается вывод о зависимости исторической памяти от политического режима государства.

Ключевые слова: историческая память; русский коллаборационизм; политический режим.

История — это политика, которую уже нельзя исправить.

Политика — это история, которую еще можно исправить

Зигмунд Графф

В истории любого государства есть периоды, которые оно хотело бы предать забвению либо представить в ином свете, выгодном для правя-

****Сафонов Виталий Владимирович,*** Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики — Санкт-Петербург, Россия, Санкт-Петербург. E-mail: Vvsafonov_1@edu.hse.ru

щей в данный момент власти. Такого рода практики неизбежны по той причине, что они призваны легитимировать власть и по возможности поднять авторитет и степень доверия к ней среди населения.

Предание забвению каких бы то ни было событий равносильно вычеркиванию их из истории, а умышленное искажение фактов приводит к изменению исторического процесса. Для исторической науки такого рода явления, бесспорно, недопустимы, потому что в первом случае историки сталкиваются с проблемой установления полноты исторической действительности, а во втором — с нарушением принципа историзма, установленным знаменитым Леопольдом фон Ранке.

Одним из нежелательных и, как следствие, мало освещенных эпизодов советской истории является русский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. Вначале следует оговориться, что в данной статье речь будет идти лишь о добровольной военной коллаборации, то есть о сотрудничестве местного населения оккупированных территорий с оккупантами.

Данные о количестве добровольцев в вооруженных коллаборационистских формированиях разнятся и составляют от 1,2 до 1,5 млн «восточных легионеров» [См.: 2, с. 54, 339; 8], из которых этнических русских было не менее 300 тысяч, и эта цифра — общепринятый минимум, признанный экспертами [6, с. 91–112]. Никогда раньше в истории России во времена крупнейших военных конфликтов, таких как Отечественная война 1812 года и Первая мировая война, пленные офицеры не создавали вооруженных частей для открытого противодействия правящему режиму на стороне противника.

Поскольку при советской власти данная ситуация приобрела указанные масштабы, очевидно, что в политических интересах большевиков было неразглашение произошедшего на первых порах и формирование как можно более негативного отношения к коллаборационистам впоследствии или же наложение запрета на широкое обсуждение данной темы, что с успехом и претворялось в жизнь.

Кроме того, целенаправленные попытки сокрытия действительного положения дел, искажение реалий путем мощной пропаганды и негласный запрет на изучение тематики коллаборационизма обуславливались в первую очередь жизненно важной зависимостью советского государства от идеологического настроения населения или проявления лояльности к действующему режиму, а помимо этого, также и ведением военных действий, во время которых государство было заинтересовано в полной и безоговорочной поддержке населения. После победы в Великой Отечественной войне подобное отношение сохранялось в тех же целях.

Имя генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова стало нарицательным по отношению к коллаборационистам, так как именно он был самым известным и высокопоставленным плененным русским офицером, согласившимся сотрудничать с немецкой стороной. Я полагаю, что наглядным примером трансформации образа и памяти в отечественной истории может послужить судьба этого человека.

До трагедии 2-й ударной армии в 1942 году генерал Власов уже рекомендовал себя как опытный и авторитетный главнокомандующий, отбросив немецкие войска от Москвы в декабре 1941 года, и тем самым снискал расположение как в войсках, так и в политической верхушке Советского Союза: «...знаменитый Власов, спаситель Москвы, имя которого в конце 1941-го и в начале 1942 года не сходило со страниц газет воевавших стран» [3, с. 122].

Популярность Власова была заслуженно высока: «Тогда генерал Власов не только первым отбил атаку немцев на Москву и тем самым способствовал контратаке других армий, оборонявших столицу, но нанес немцам тяжелое поражение, отогнал их до Волоколамска и уничтожил миф о непобедимости немцев.

Я бы сказал, что в психологическом отношении эта подмосковная победа послужила поворотным пунктом в дальнейшем ходе войны. Психологический капитал, в смысле сознания немцами своего превосходства над врагом, приобретенный ими в связи с головокружительными успехами в начале войны, в боях под Москвой окончательно иссяк, и это положение вещей первым доказал Власов» [3, с. 122–123]. В то время никто и не мог подумать, что в скором времени советским пропагандистам придется с двойным усердием уничтожить и очернять репутацию генерала.

Ситуация резко изменилась, после того как 11 июля 1942 года при попытке выхода из Волховского котла генерал Власов был пленен, а спустя непродолжительное время согласился сотрудничать с германским командованием.

Вот как вспоминает о реакции большевиков верный товарищ А. А. Власова, белоэмигрант и непримиримый антикоммунист полковник Константин Григорьевич Кромиади: «...когда стало известно, что тот же Власов теперь поднялся на борьбу против советской коммунистической власти, в Кремле сперва заявили, что немцы врут, распространяя листовки с именем Власова, а когда их опровержение оказалось неубедительным, то заявили, что это вовсе не тот генерал Власов, который сражался против немцев под Москвой» [3, с. 161].

Советскую сторону можно понять: нельзя было допустить распространения информации об авторитетных офицерах, перешедших на

сторону неприятеля и ведущих там активную деятельность. Это еще больше подорвало бы и без того пессимистичные настроения в войсках из-за массовости пленения как рядового, так и офицерского состава [6, с. 93]. Таким образом, попытки сокрытия и забвения были обусловлены нуждами войны и государственной идеологией в ущерб исторической справедливости.

Стоит заметить, что коллаборационистское движение оформилось в единую систему лишь в 1944 году, когда 14 ноября в Праге был создан Комитет освобождения народов России (КОНР), который объединил большинство русских коллаборационистских и национальных формирований.

В то время было очевидно, что падение Третьего рейха и, соответственно, всех союзных и зависящих от него движений неизбежно, это вопрос времени. Как известно, события, современников, которых уже нет в живых, или они не способны воспроизвести действительное положение вещей, изучаются по различного рода источникам или литературе, будь то мемуары, дневники и пр.

В случае же, когда на историческое событие имеется одна доминирующая диктуемая точка зрения или доступны по большей части источники, освещающие лишь один взгляд на данную проблему, ученым крайне сложно установить истину. Именно такая ситуация грозила всему антибольшевистскому движению в случае полного разгрома Германии и выдачи коллаборационистов советскому правительству. Рассчитывая на взаимодействие с союзными войсками, коллаборационисты предпринимали действия по сохранению структуры своего движения.

Официально идеология власовского движения оформлена в виде Пражского манифеста КОНР и «Блокнота пропагандиста» — пособия по истолкованию программы Русской освободительной армии. Эти документы в настоящее время являются важнейшими источниками по изучению коллаборационизма.

Как верно заметил К. Г. Кромиади, «...движение, принявшее форму и содержание ... такое движение останется в истории...» [3, с. 170]. Более того, многие участники антисоветского движения, избежавшие выдачи в СССР, активно писали воспоминания о своей деятельности.

Например, широко известны работы генерал-майора Бориса Алексеевича Смысловского [5], полковника Константина Григорьевича Кромиади [3], а также ряд прочих, которых досконально изучил российский историк Кирилл Михайлович Александров в своей диссертационной работе [1].

Также в период «перестройки» были изданы ранее запрещенные мемуары участника власовского движения Леонида Александровича Самутина [4], который по окончании войны провел 9 лет в ГУЛАГе.

Как уже было сказано выше, в Советском Союзе тема коллаборационизма свободному изучению не подлежала, документы и судебные дела коллаборационистов были засекречены в архивах. Крайне редко выходили статьи, затрагивающие темы «предателей» и «изменников Родины», в которых все участники коллаборационистских формирований описывались в негативном ключе. Например, в 1973 году в советском ежемесячнике «Советское государство и право» появилась статья А. Тишкова «Предатель перед советским судом», в которой А. А. Власов назывался не иначе, как «гносным предателем» [7].

Любую информацию по возможности старались не разглашать, а общеизвестные факты изменить и представить в негативном свете. Гораздо лучше изучение данного вопроса происходило за рубежом, в странах, не принадлежащих к социалистическому блоку. Там уже в конце 1940-х стали выходить первые работы, посвященные вопросам русской коллаборации. Например, в 1948 году на страницах популярного американского ежемесячника «The American Mercury» появилась статья журналиста Е. Лайонса, посвященная власовскому движению. В статье автор проанализировал двойственное положение последователей Власова и опроверг тезис о морально-политическом единстве сталинского общества [9].

Более того, множество материалов о русском коллаборационизме хранится в иностранных архивах. В СССР ситуация кардинально менялась лишь в период «перестройки» с принятием в Союзе политики гласности и рассекречиванием государственных архивов в 1990-х годах. Тогда негласный запрет на обсуждение и изучение феномена коллаборационизма был снят, и исследователи взялись за изучение всех доступных источников (О. В. Будницкий, Б. Н. Ковалев), в результате чего до сегодняшнего дня не стихают дискуссии вокруг этой темы.

Таким образом, данная статья на примере русского коллаборационистского движения показала, что историческая память напрямую зависит от установившегося политического режима и изменяется в соответствии с его интересами.

Однако целью исторической науки является объективная оценка исторических событий и личностей. Поэтому задача историков в вопросе оценки явления коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны «показать, как все происходило на самом деле» остается открытой.

Литература

1. *Александров К. М.* Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета Освобождения Народов России 1943–1946 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. — 1145 с.
2. *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. — М.: Эксмо, 2004. — 608 с.
3. Кромияди К. Г. За землю, за волю! Воспоминания соратника генерала Власова. — М.: Вече, 2011. — 336 с.
4. Самутин Л. А. Я был власовцем. — М.: Яуза-Пресс, 2013. — 320 с.
5. Смысловский Б. А. Первая Русская национальная армия против СССР. Война и политика. — М.: Вече, 2011. — 416 с.
6. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. — 1996. — № 2. — С. 91–112.
7. Тишков А. В. Предатель перед советским судом // Советское государство и право. — 1973. — № 2. — С. 89–98.
8. «Народный собор» заподозрил экстремизм в диссертации по истории. — URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2016/03/160303_russia_history_thesis_controversy (дата обращения: 12.03.2016).
9. Lyons E. General Vlasov's Mystery Army // The American Mercury. — 1948. — Febr. B. LXVI. — P. 183–191.

Safonov Vitaly Vladimirovich,
Higher School of Economics Saint Petersburg, Russia, Saint Petersburg

TRANSFORMATION OF THE HISTORICAL MEMORY: ANOTHER SOLDIERS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: This article analyses changes of the historical memory on the example of Russian Collaboration movement during the Great Patriotic war. It gives brief findings about the historical memory depending on a political regime of a state.

Keywords: historical memory; Russian collaboration; political regime.